

«Бессонница. Гомер»*

О. В. Бударagina

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
o.budaragina@gmail.com

В сохранившейся части переписки М. Корнелия Фронтонa с Марком Аврелием читатель знакомится с многообразными сюжетами, среди которых есть и обсуждение литературных текстов, и рассуждения о природе ораторского мастерства, и вопросы, связанные с государственными делами. При этом в письмах часто звучат очень личные темы, касающиеся здоровья, семейных и дружеских отношений корреспондентов. Именно это, пожалуй, и делает данный эпистолярный сборник особенным, давая возможность зазвучать живым голосам людей и открыть их сокровенные мысли,— Марка Аврелия, которому еще только предстояло стать автором «Размышлений», и его учителя Корнелия Фронтонa.

Среди прочего в их письмах время от времени возникает тема сна, бодрствования и бессонницы. Насколько мы можем судить, у Марка Аврелия в разные периоды жизни (а не только в старости, как пишет Дион Кассий (74. 24. 4)) бывали проблемы со сном¹. Иногда он говорит о сознательном бодрствовании, поскольку днем у него не хватает времени для выполнения важных дел (причем, не только государственных). Так, он сетует на необходимость бывать в (нелюбимом)

* С благодарными воспоминаниями о чтении в нашей группе «Одиссеи» с Н. Н. Казанским.

¹ В тексте дошедших писем нет упоминания об использовании им специальных лекарственных средств, позволяющих заснуть, однако об их применении Марком Аврелием известно из ряда других источников [Africa 1961].

театре, который «съедает» его день (*nam interdiu in theatro consumitur*), и только ночью у него появляется возможность заняться эксцерптами из литературных произведений (*Ad M. Caes. 2. 8. 2*)². В других случаях становится понятно, что Марк не может заснуть, хотя и изо всех сил пытается склонить себя к этому (*Ad M. Caes. 3. 22. 2*). Всего дважды мы встречаем упоминания о том, что он, напротив, много времени уделяет сну,— в письме, о котором пойдет речь ниже (*Ad M. Caes. 1. 4*), и еще в одном месте, где он даже называет себя ‘многосонливым’ (*nam sum multi somni*), несмотря на то что из-за холода в спальне едва можно высунуть руку (*Ad M. Caes. 5. 74. 2*).

Точка зрения Фронтона, который был человеком более привычного склада и, как большинство людей, посвящал ночи отдыху, всегда неизменна — он постоянно беспокоится о том, что Марк мало спит, и надеется на то, что тому удастся выспаться. При этом он пытается увещевать своего воспитанника не только в серьезной манере. В одном из поздних писем из цикла «*De feriis Alsiansibus*», датированном 162 г. [Hout van den 1999: 509], Фронтон обменивается с Марком несколькими шутивными письмами по поводу псевдоканикул императора: Марк находится в Альсии, на одной из вилл в южной Этрурии, но настолько загружен работой, что не находит времени насладиться приморской жизнью. Фронтон советует правителю отдых, сон, чтение поэтов и обильные пиры (*De feriis Als. 3. 1*). Совершенно очевидно, что Фронтон рекомендует вещи, которые для Марка не очень возможны: для отдыха не хватает времени, сну мешает бессонница, и только, пожалуй, чтение поэтов выпадает из этого списка как единственно приемлемое (но и то, видимо, давно не практиковавшееся). Тем не менее, еще дважды в том же послании он высказывает резоны в пользу сна (*De feriis Als. 7; 13*).

Интересующее нас письмо Марка Аврелия (*Ad M. Caes. 1, 4*) также посвящено теме бессонницы и сна. Как, к сожалению, часто обстоит дело с этим единственным кодексом, сохранившем переписку, текст, на который отвечает Марк, в составе рукописи не дошел. Судя по всему, письмо Фронтона было утрачено еще в античности:

² Нумерация приводится по изданию: [Hout van den 1988].

во всяком случае, m², которую датируют временем около 500 г. [Hout van den 1988: XXXVI], оставляет приписку *ad tua pro somno ac somnia* ‘<ответ> на твое <письмо> в защиту сна и снов’. Насколько можно реконструировать утраченное послание по ответным репликам и аргументам Марка, Фронтоном в нем действительно высказывался в защиту сна. Серьезные доводы были, вполне возможно, представлены в виде шуточного риторического послания в духе фронтоновских *Laudes fumi et pulveris*³ ‘Похвалы дыму и пыли’ или его же *Laudes neglegentiae* ‘Похвалы небрежности’, содержащих парадоксальную похвалу ничтожным предметам. В обоих случаях адресатом писем являлся молодой Марк. Таким образом, видно, что в переписке между учителем и учеником присутствовала своеобразная игра в риторические парадоксы, позволявшая несерьезно говорить о серьезных вещах (*De feriis Als.*) и наоборот (*Laudes*).

Марк Аврелий отвечает на послание учителя именно в такой манере — он, как исправный ученик, которого Фронтоном наставлял в искусстве риторики, использует усвоенные приемы и пытается доказать преимущества бодрствования / бессонницы над сном (*Ad M. Caes.* 1. 4). Это письмо Марка выделяется на общем фоне в сохранившемся корпусе, поскольку в качестве аргументов в защиту бессонницы, помимо классической эпихейремы (*Ad M. Caes.* 2), для обоснования своей точки зрения он использует многочисленные поэтические цитаты. Необычно в данном случае то, что ни в одном другом послании Марка мы не встретим их в таком количестве, к тому же на древнегреческом языке. Само собой разумеется, что в его жизни этот язык занимал важное место — от школьной практики в чтении и толковании авторов, языка домашнего общения⁴, до выбора его в будущем для изложения стоической доктрины в «Размышлениях». При этом видно, что в большинстве писем он греческий почти не использует, ограничиваясь отдельными риторическими терминами (аналогичным образом поступает и Фронтоном в своих посланиях к нему). Более того,

³ Сам Фронтоном называет их *nugalia* ‘пустяковыми’ (*De feriis Als.* 8).

⁴ Именно на греческом Фронтоном пишет письмо матери Марка Домиции Луцилле (*Ad M. Caes.* 2. 3).

в письме, датированном консульством Фронтонa, то есть июлем-августом 142 г.⁵, он прямо говорит о том, что греческая литература ему не близка (*Ad M. Caes.* 2. 11. 2):

⟨...⟩ *ut ego, qui a Graeca litteratura tantum absum quantum a terra Graecia mons Caelius meus abest* ⟨...⟩

‘⟨...⟩ как я, который так же далек от греческой литературы, как мой Целий⁶ от Греции’ (*Ad M. Caes.* 2. 11. 2)

Тем удивительнее, конечно, что в рассматриваемом тексте Марк сыплет греческими цитатами, словно из рога изобилия. И здесь его главным союзником для защиты бессонницы и бодрствования оказывается Гомер, а подавляющее количество цитат приходится на «Одиссею». Автор письма сам объясняет такой выбор: в момент написания он находился во дворце в Байях, которые он сравнивает с «нескончаемым лабиринтом Улисса⁷» (*Ad M. Caes.* 1. 4. 3: *in hoc d*iu*turno Ulixi labyri*nto**), а потому хотел бы позаимствовать у него что-то относящееся к делу.

Подбирая цитаты, которые описывают ситуации, когда гомеровские герои попадают в трудное положение из-за того, что были охвачены сном, а не бодрствовали, он использует примеры длиной в один-четыре стиха⁸. Примечательно, что Марк при этом не всегда приводит гомеровский текст подряд, но прибегает к разного рода комбинациям. Рассмотрим эти примеры подробнее.

Используя историю Одиссея, автор письма обвиняет сон в том, что герой смог вернуться на родину только на двадцатый год своих скитаний:

⁵ Как было безукоризненно доказано В. Эком и М. Роксан, краткое консульство Фронтонa пришлось не на традиционно принятую дату — 143 г., а на 142 г. [Eck, Roxan 1995; Eck 1998].

⁶ Марк Аврелий родился во дворце на Целии в Риме.

⁷ Интерпретация «лабиринта Улисса» не входит в задачи данной публикации, но подробное обсуждение мнений можно найти в [Hout van den 1999: 16–17].

⁸ Один стих: *Od.* XIII. 80; *Il.* II. 24; IV. 223. Два стиха: *Od.* XII. 338–339, 370/372. Четыре стиха: *Od.* X. 46–49.

Non enim ille profecto εικοστῷ demum ἔτει venisset ἐς πατρίδα γαῖαν neque in isto lacu tam diu oberrasset, necque <quae> alia omnia Ὀδυσσεΐαν faciunt perpessus esset, nisi tum γλυκὺς ὕπνος ἐπέλλαβε κερμηῶτα

‘Ибо он не пришел бы **в отеческую землю** только **на двадцатый год**, и не блуждал бы по этим водам столь долго, и не претерпел бы все прочее, составляющее **Одиссею**, если бы тогда **сладкий сон не охватил изнемогшего**’ (*Ad M. Caes.* 1. 4. 3)

В оригинале перед нами макаронический текст, в котором автор использует два стиха Гомера (*Od.* XVI. 206 и *Od.* X. 31), разбивая их на фрагменты и вплетая в прозаическую ткань фразы. От себя он добавляет греческое Ὀδυσσεΐαν, которое здесь можно воспринимать почти как нарицательное употребление. Хотя письмо Фронтонa, на которое отвечает Марк, не сохранилось, в нашем распоряжении, счастливым образом, имеется ответное письмо учителя ученику, помещаемое издателями следом за первым (*Ad M. Caes.* 1. 5). Это живая и заинтересованная реакция наставника на сочинение воспитанника, содержащая комментарии и похвалы особенно удачным, с его точки зрения, местам. Откликается Фронтон и на приведенную выше фразу, оценив изящное сочетание языков:

Illud vero dictum elegans atque saviatum, qu<o> ais «neque alia omnia quae Ὀδυσσεΐαν faciunt (1. 5. 3). Enim vero omnia istaec inter Graecos versus Latina ita scite alternata sunt a te et interposita ut est ille in pyrrhicha versicolorum discursus, quom amicti cocco alii, alii luteo, et ostro et purpura alii alii que cohaerentes concursant (1. 5. 4)

‘Изящно и прелестно⁹ то твое речение, когда говоришь «и не <претерпел бы> все прочее, составляющее **Одиссею**». (4) Действительно, все это латинское ты столь умело чередуешь и перемежаешь с греческими стихами, что это подобно быстрым движениям пестро одетых исполнителей пиррийского

⁹ Принято чтение издания М. ван ден Хаута *saviatum* [Hout van den 1988].

танца¹⁰, когда они, смыкаясь, сбегаются, одни облаченные в ярко красное, другие в алое, а иные в багряницу или пурпур'

Есть пример, когда Марк при цитировании (1. 4. 3) приводит стихи Гомера через один (*Od.* XII. 370. 272):

οἰμῶξας δὲ θεοῖσι μετ' ἀθανάτοισι γεγώνουν·
ἦ με μάλ' εἰς ἄτην κοιμήσατε νηλεῖ ὕπνῳ
'Вырвался стон у меня, и громко воззвал я к бессмертным:
В гибельный сон вы меня для огромной беды погрузили'
(пер. В. В. Вересаева)

или меняет определение νήγρετος 'непробудный' из *Od.* XIII. 80 на νήδυμος 'сладостный' из предыдущего стиха (1. 4. 7):

νήδυμος ἥδιστος θανάτῳ ἄγχιστα εὐκοῖός
'Сладостный <сон>, приятный, очень схожий со смертью'

Наконец, в разбираемом письме есть пример и центонной практики цитирования Гомера, когда Марк объединил во фразе части трех стихов двенадцатой книги «Одиссеи» (1. 4. 3):

Postea, ubi Ἠελίοιο βόας καὶ ἴφια μῆλα¹¹ | ἔσφαξαν καὶ ἔδειραν¹² |
καὶ¹³ μῆρ' ἐκάη καὶ σπλάγχνα πάσαντο¹⁴, *quid tum expergitus*
Ulixes?
'Впоследствии, когда **коров Гелиоса и тучных овец закололи, кожу содрали, сожгли бедра и вкусили внутренностей**, что же тогда пробудившийся Улисс?'

¹⁰ Греческий военный танец, во времена Фронтонa исполнявшийся как род пантомимы (ср., например, *Apul. Met.* X. 29. 4). Возможно, имеется в виду *lusus Troiae* 'действие о Трое', о котором, цитируя Светония, упоминает Сервий в комментариях к «Энеиде» (*ad Aen.* V. 602) [Ceccarelli 1998: 149].

¹¹ *Od.* XII. 128.

¹² *Od.* XII. 359.

¹³ Добавлено Марком.

¹⁴ *Od.* 12. 364.

Завершая разговор о письме Марка Аврелия¹⁵, коснемся вопроса о его возможной датировке. Поскольку в тексте нет никаких внешних фактов, которые могли бы облегчить эту задачу (в частности, упоминания конкретных людей или событий), единственным путем является следование внутренней логике послания и сопоставления его другими текстами корпуса. Большинство исследователей склонны датировать его временем до июля 142 г., то есть до начала консульства Фронтон¹⁶. При этом последний издатель собрания писем Фронтон¹⁶ М. ван ден Хаут полагает, что в конце послания (*Ad M. Caes.* 1. 4. 8) можно видеть намек на разочарование Марка в составлении шуточных текстов такого рода, и исследователь склоняется к более поздней дате, а именно 145 г. [Hout van den 1999: 14].

При этом бросается в глаза обилие цитат на древнегреческом, чего, как было сказано выше, мы не находим в других письмах Марка. Здесь же он упоминает чтение Гесиода *apud magistrum* ‘с учителем’ (1. 4. 7), которым не мог быть Фронтон, занимавшийся с ним риторикой. Таким образом, Марк вспоминает здесь, конечно, о более раннем этапе школьного обучения, что было бы, думается, странно, если бы он был уже вполне взрослым человеком и соправителем императора. Наконец, ранее приводилась цитата о нелюбви Марка к греческой литературе из послания, которое надежно датируется 142 г. (*Ad M. Caes.* 2. 11. 2). Таким образом, нам представляется, что письмо имеет признаки более раннего периода. *Terminus ante quem* должен являться 142 г., но возможно, текст нужно относить еще ко времени начала обучения Марка Аврелия Корнелием Фронтоном, то есть 139 г.

Список условных сокращений

ad Aen. — *ad Aeneidem*; *Ad M. Caes.* — *Ad Marcum Caesarem*; *Apul. Met.* — *Apuleius. Metamorphoses*; *De feriis Als.* — *De feriis Alsiensibus*; *Il.* — *Ilias*; *Od.* — *Odyssea*

¹⁵ Датировку *Ad M. Caes.* 1. 4 и 5 следует рассматривать вместе.

¹⁶ Обзор точек зрения можно найти в [Hout van den 1999: 3, 14].

Литература

- Africa 1961 — T. W. Africa. The opium addiction of Marcus Aurelius // *Journal of the History of Ideas*. Jan.–Mar. 1961. Vol. 22. No. 1. P. 97–102.
- Ceccarelli 1998 — P. Ceccarelli. La pirrica nell'antichità greco romana. Studi sulla danza armata. Pisa; Roma: Istituti editoriali e poligrafici internazionali, 1998.
- Eck, Roxan 1995 — W. Eck, M. Roxan. Two military diplomas // R. Frei-Stolba, M. F. Speidel (Hrsg.). *Römische Inschriften: Neufunde, Neulesungen und Neuinterpretationen: Festschrift für Hans Lieb zum 65. Geburtstag dargebracht von seinen Freunden und Kollegen*. Basel: F. Reinhardt, 1995. S. 55–99.
- Eck 1998 — W. Eck. M. Cornelius Fronto, Lehrer Marc Aurels, consul suffectus im J. 142 // *Rheinisches Museum*. 1998. Bd. 141. S. 193–196.
- Hout van den 1988 — M. P. J. Hout van den (ed.). *M. Cornelii Frontonis Epistulae*. Leipzig: Teubner, 1988.
- Hout van den 1999 — M. P. J. Hout van den. *A commentary on the Letters of M. Cornelius Fronto*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999.